

МЕТОДОЛОГИЯ КОГНИТИВНЫХ НАУК В АНАЛИЗЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ: ПРОСТРАНСТВО ПЕРСПЕКТИВ И ПРОБЛЕМЫ

Исследуются возможности применения когнитивных методологий в рамках исторической науки, в том числе при анализе исторических источников. В вопросе использования когнитивных методов при анализе исторических источников рассмотрены подходы к когнитивной истории, когнитивному религиоведению и когнитивной антропологии. Примерами методик, применимых к историческому исследованию, могут быть теории повседневных практик и теории фреймов. Отмечены недостатки применения когнитивных методов.

Ключевые слова: методология истории; источниковедение; историческое сознание; когнитивная история; когнитивная антропология; когнитивное религиоведение.

Исторический анализ основывается на эксплицитных публичных репрезентациях — прежде всего текстах и других исторических источниках. Важной задачей исторической науки является применение в рамках исследования методологии, соответствующей стремлению получить по возможности максимально точные и объективные результаты в нередкой ситуации наличия лишь ограниченного круга источников. Нередко в качестве источников выступают объекты, чья значимость как исторического источника может показаться не столь однозначной и очевидной. Речь, в первую очередь, идет о текстах, но, конечно, не только о них. Например, в такой роли оказываются тексты, не являющиеся в прямом смысле носителем исторической нотации. Возможно, по какой-то конкретной культуре или временному периоду оказывается, что вообще отсутствуют источники, прямо преследующие цель описания истории, фиксирования происходящих событий. Столкновения с подобными случаями, как правило, приводят к идее об отсутствии исторического сознания в данной культуре, хотя на самом деле, возможно, проблема может оказаться исключительно лишь в нашем анализе, опирающемся на недостаточные сведения и неподходящую для проведения анализа методологию.

Таким образом, возникает весома проблема исторической науки — использование источников, в качестве которых, к примеру, могут выступать агиографические тексты, философская и религиозная дидактика, те или иные нарративы, содержащие множество внеисторических и неисторических элементов, характерных даже для летописного текста, — мифологических, религиозных или философских нотаций, элементов летописного субстрата и т.д. Ввиду такого специфического характера содержание данных источников можно охарактеризовать как «внеисторическое». Но, тем не менее, исходя из времени создания текста, актуальности для определенного периода и группы людей, можно однозначно утверждать, что данный объект может выступать в качестве исторического источника; вопрос в том, каким образом и какие исторические сведения можно из источника извлечь.

Одним из решений может быть обращение к современным когнитивным методологиям, позволяющим провести анализ по подобным недостаточно релевантным с точки зрения классической нарративной истории источникам. Кроме того, когнитивная мето-

дология, помимо возможности работать со сложными «внеисторическими» источниками, открывает возможность получения в принципе новых результатов.

Исторический источник является носителем репрезентаций автора и/или сообщества, его культурного фона. В рамках задачи изучения феномена исторического сознания источник рассматривается как носитель информации о форме и наполнении данного исторического сознания. Также следует учитывать, что публичные репрезентации представляют собой только верхушку айсберга. В исторических событиях принимают участие субъекты, у которых присутствуют когнитивные системы. Таким образом, представление о сфере ограничений, накладываемых указанными системами, и активизируемых ими механизмах способствуют постижению историками исторических событий. Когнитивные теории преследуют цель конструирования строгой научной классификации, которая основывается на основополагающих каузальных принципах. Это способствует более точным историческим и этнографическим описаниям, в том числе развитию сравнительной историографии [1].

Когнитивная наука (cognitive science) чаще всего описывается не как некая отдельная дисциплина, а как совокупность самостоятельных дисциплин. Наиболее часто к когнитивным наукам относятся антропология, лингвистика, психология, искусственный интеллект и философия. Использование в названии «science» подчеркивает стремление отнести методологию к точным естественным наукам, а не к сфере гуманитарного знания. Познание и исследование культуры ориентированы на изучение взаимодействия между разумом и культурой и присутствует в таких академических областях, как культурная, биологическая и когнитивная антропология, познавательная, социальная и эволюционная психология, археология, лингвистика, философия и религиоведение. В самом широком смысле когнитивная наука может быть описана как попытка объяснить, как работает разум. Ее основными задачами являются следующие: восприятие мира, обучение, запоминание, управляющие воздействия, создание и развитие новых идей, коммуникация с другими людьми и, наконец, создание и фиксирование чувственного опыта, намерений и самосознания.

Деятельность разума изучается с точки зрения теории информации. Когнитивная наука сосредоточена на том, каким образом люди, животные и некото-

рые артефакты информацией оперируют. Когнитивное описание позволяет определить, какие виды информации принимаются в качестве входных данных, какие процессы оказываются задействованными, чтобы преобразовать эту информацию, с какого рода структурами данных, т.е. репрезентациями, эти процедуры оперируют и какого рода репрезентации или поведение порождаются в качестве выходных данных, т.е. входные сигналы, внутренние процессы и взаимодействия, а также выходная информация.

В вопросе применения когнитивного подхода при анализе исторических источников остановимся на областях когнитивной истории, когнитивном религиоведении и когнитивной антропологии. Обращение к последним двум сферам в рамках исторической науки может показаться необычным или даже избыточным, но их привлечение оправдано ввиду их более детальной теоретической проработанности и накопленной практики применения, а также по причине явного пересечения их предметных областей в общих рамках гуманитарного знания.

Когнитивное религиоведение (cognitive science of religion) в вопросе исторического источниковедения актуально в связи с распространенной спецификой источников: зачастую это тексты религиозного содержания или с явным религиозным подтекстом и значением, поскольку сами культуры, в которых тексты появились, имеют весомую религиозную составляющую. Когнитивная наука о религии в основном корнями уходит в когнитивную антропологию и психологию и стремится построить общезначимые объяснительные теории религиозных феноменов. Исходя из представлений о формировании религиозных понятий и поведения, для историков будет возможным сконструировать свой предмет исследования. Точные и универсальные теории религиозных феноменов позволяют историкам получить труднодостижимую иными методами информацию; кроме того, историки получают возможность по-новому систематизировать исторические факты [1].

Религиозные феномены возможно исследовать посредством использования методов, применяемых для изучения нерелигиозных феноменов. Таким образом, можно подчеркнуть, что религиозные понятия – это разновидность понятий, ритуальное поведение – разновидность поведения, а структура религиозной группы – один из видов групповых структур и т.д. Когнитивное религиоведение исследует каузальные механизмы и процессы, находящиеся в основе наблюдаемых проявлений религии [Там же], что позволяет применять его методологический аппарат в том числе и при исследовании исторических источников.

Следует отметить, что когнитивное религиоведение – нечто большее, чем исключительно историческое исследование. Как научная дисциплина оно рассматривает религию и религиозные феномены вне зависимости от их природы и места, причем с использованием многочисленных методов. Поскольку в рамках данных исследований предмет напрямую связан с самим человеком, то для понимания феноменов, имеющих религиозный подтекст или природу, необходи-

мо знание о том, как человеческая ментальность влияет на формирование данных феноменов [1].

Хорошим примером по практическому когнитивному религиоведению в источниковедческом формате является работа финского антрополога и религиоведа Киммо Кетолы «The Founder of the Hare Krishnas as Seen by Devotees: A Cognitive Study of Religious Charisma» [2], в рамках которой применительно к анализу биографических нарративов автор использовал теорию фреймов Ирвинга Гофмана в качестве наиболее успешной попытки описать то, как люди определяют свои повседневные ситуации, и в этом анализе, отталкиваясь от исторических источников, которыми в первую очередь выступали агиографические работы, автор выстраивает картину коммуникаций и восприятие харизмы как ведущего механизма в рамках конкретного исследуемого сообщества. Данное исследование в основном касается аспектов межличностного общения и репрезентаций, регулирующих взаимодействия людей друг с другом.

В качестве одной из предшествовавших когнитивному религиоведению направлений выше упоминалась когнитивная антропология. Происхождение когнитивной антропологии (cognitive anthropology), которая уже развивалась при значительном влиянии структурной лингвистики и психолингвистических теорий, восходит к идеям структурализма. Одно из альтернативных наименований когнитивной антропологии – *ethnoscience* – также указывает на устремление к точности и формализации в исследуемом пространстве, равное естественным наукам. Д'Андрад и М. Коул сформировали подход к культуре в целом как к когнитивной системе. Одной из особенностей когнитивной антропологии является ее стремление изнутри посмотреть на картину мира глазами носителя исследуемой культуры, осмыслить и реконструировать мир людей иных обществ в рамках их собственных структур и терминов, как они этот мир воспринимают и переживают практически. Здесь также примечателен антропологический подход Клиффорда Гирца, связанный с перцепцией изучаемой культуры «изнутри» [3].

В качестве основных понятий когнитивной антропологии принято считать схемы, рамки и событийные сценарии. Теория схем (schema theory) представляет собой структуру события или явления, отражающую теорию знаний, их репрезентаций, взаимодействий и использования. Согласно описанию Р. Д'Андрادا, схема конституирует упрощенный мир и используется для рассуждений о нем. Схема как структурная формация данных репрезентирует общие понятия, которые содержатся в «памяти культуры». Можно говорить о наличии схем, репрезентирующих знания о любых понятиях: объектах, событиях, ситуациях, действиях и их последовательностях. В дополнение к знаниям, уложенным в схемы, имеются также данные о том, как следует этими знаниями оперировать. Понятие схемы в когнитивной антропологии сопоставимо с вышеупоминавшимися концептами фрейма или сценария, широко используемыми в разных когнитивных направлениях, что связано с основополагающим вопросом когнитивистики – проблемой ментальной репрезентации опыта.

Более явной по близости к исторической науке выступает теория когнитивной истории. Одной из наиболее ощутимых презентаций данной теории является монография О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» [4].

Также сразу хотелось бы отметить, что явные предпосылки для дискурса о когнитивной истории, без сомнения, лежат в работах Б.Г. Могильницкого и томской историографической школы. Д.В. Лукьянов в статье «Когнитивная революция в современном историческом познании» [5] проводит сопоставление между оценкой наработок Б.Г. Могильницкого как «современной историографической революции» и описанием подхода О.М. Медушевской как «когнитивной революции» в российской исторической науке. Однако данная дихотомия представляется весьма условной, поскольку «революция» Б.Г. Могильницкого также касалась именно когнитивной сферы – вопросов изучения каузальных механизмов, становящихся предметом исторической науки.

В работах Б.Г. Могильницкого и многих других представителей школы «красной нитью» проходит исследование феномена исторического сознания как совокупности представлений, присущих обществу и его сегментам, о своем прошлом и прошлом всего человечества. Каждая общность обладает известным комплексом исторических представлений о своем происхождении, важнейших событиях и деятелях собственного прошлого, их соотношении с историей других общностей и всего человечества. Данные «исторические предания» составляют неотъемлемую принадлежность духовной жизни каждого народа, способ его самовыражения, и это придает историческому сознанию сильную эмоциональную окраску. История органически присутствует в сознании общества, причем историчными являются все составляющие его элементы – взгляды, идеи, политические и иные теории и т.д. [6] Историческое сознание включает широкий спектр компонент: как рациональные, так и эмоциональные, как познавательные, так и оценочные; при этом, как правило, утверждается, что оно является имманентной частью функционирования общественного сознания, играющей решающую роль в формировании групповой идентичности, а также обеспечивающей выполнение интегративной, эскапистской и легитимирующей функций [7].

К феномену исторического сознания в рамках религиозного подтекста примыкает феномен религиозного историзма (например, см. работы О.В. Хазанова «Феномен религиозного историзма: некоторые подходы к пониманию еврейской и индийской традиций» [8] и О.И. Ивониной «Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX – середины XX вв.» [9]). Таким образом, здесь вновь оказываются пересеченными сферы двух направлений когнитивных наук – когнитивной истории и когнитивного религиоведения, образующих общее методологическое пространство.

Одновременная применимость когнитивного религиоведения и когнитивной истории при анализе исторических источников исходит из утверждения пересечения множества интуитивных аспектов, относящихся

к историческому пространству, с контринтуитивными аспектами, относящимися к религиозным: религиозные репрезентации – это частный случай репрезентаций, соединяющий эксплицитные минимально контринтуитивные аспекты, которые легко запоминаются, с имплицитными интуитивными аспектами, которыми удобно оперировать [1].

В рамках теории и методологии когнитивной истории О.М. Медушевской на новой основе переосмысливаются задачи исторической науки и источниковедения – отмечается, что текущая ситуация в науке может быть схематично определена как смена парадигм: переход от «нарративизма» к формату когнитивной истории. «Нарративизмом» О.М. Медушевская определяет логику наивного повседневного мышления, в рамках которого ставятся задачи осмыслить причинно-следственные связи состоявшегося события, следуя от результата к причине, с целью извлечения «уроков». Данный подход и позиция его последователей, которые видят задачу историка в описании событий на повседневном уровне восприятия, критикуются как ненаучные, так как предполагают, что результат исследования априори детерминирован: он исключает так называемое сослагательное наклонение в истории, отрицает вариативность процессов и не способен использовать современные аналитические методы [10]. В противоположность этому, когнитивная парадигма истории заслуживает особого анализа, поскольку со всей очевидностью претендует на статус если не новой онтологии истории, то принципиально новой концептуальной стратегии генерализации истории как науки [5].

Согласно данной теории О.М. Медушевской индикатором перестройки внутри исторической науки может служить направление, специально ориентированное на исследование информационного ресурса реализованных продуктов целенаправленной человеческой деятельности, – источниковедение. В его рамках специально рассматривается проблематика исследований информационного ресурса исторических источников [4].

У О.М. Медушевской разрешением конфликта в понимании роли и сути исторической науки стало обращение к структурализму, точнее, к его методологическим свойствам, для обоснования видовой классификации исторических источников. Структурализм во многом соотносился исторически прежде всего с антропологией как новой наукой, претендовавшей на выявление структур общества и сознания, причем, если первоначально исследовали историю и современные «аборигенные» сообщества, то постепенно его методология перешла на исследования «современных цивилизованных» сообществ, в том числе в рамках изучения повседневности (причем стоит добавить, что методологически было показано отсутствие разницы между данными сообществами). Эти исследования заставляли задуматься о соотношении информации, полученной из различных видов источников, – опросов, бесед и этнографических наблюдений, письменных источников, археологических памятников, – в рамках вопроса о сути, которая объединяет эти источники для понимания феномена человека [11]. Под-

ход О.М. Медушевской же позволил говорить также о переходе структуралистских методов и теоретических положений в пространство исторической науки.

Также в качестве проблемы монографии О.М. Медушевской можно отметить отсутствие описаний конкретных методологических практик и алгоритмов, посредством которых реализуется когнитивный подход в исторических исследованиях: вместо этого больше внимания уделяется утверждению допустимости самой идеи когнитивной истории. При этом те или иные методологические техники излагаются в иных когнитивных направлениях и могут быть применены (в рамках своих уточнений условий и ограничений) и в исторической науке.

Примерами методик, применимых к истории могут быть, например, теории повседневных практик и теории фреймов, родившихся в рамках антропологических и социальных наук, но легко транспонирующихся в другие когнитивные области, например, когнитивные религиоведение и даже историю. Данные методики становятся предметом не только историко-теоретической реконструкции, но и важным механизмом осмысления повседневных взаимодействий. Описанию и теоретическому разделению теории фреймов и теорий повседневных практик большое внимание уделял В.С. Вахштайн. Он отмечал даже противостояние между категорией фрейма и категорией практики: теория практик (П. Бурдьё, Э. Гидденса, Г. Гарфинкеля) и теория фреймов (И. Гофман, Г. Бейтсон, М. Минский, Ч. Филлмор) – конкурирующие исследовательские проекты, их разделяют аксиоматика, оптика и логика исследования [12].

Интересным примером использования теории габитуса П. Бурдьё, относящейся к практико-ориентированной методологии в качестве методологического инструментария в рамках исторического исследования, является работа А.С. Котова, посвященная изучению психосоциальной идентичности и ценностных установок Тевтонского ордена в Пруссии [13]: в данном случае обращение к теории габитуса позволяет реконструировать трансформацию идеологем, объяснить фиксируемые в источниках свидетельства о

практике и стилистике поведения в сравнении с существующим идеалом. В рамках своего исследования автор отмечает, что технология такого анализа должна включать как собственно инструментарий исторического исследования, так и инструменты социально-психологических теорий, т.е., по сути, становясь инструментарием когнитивного подхода.

Тем не менее применение когнитивных методологий сталкивается с рядом проблем. Прежде всего это само по себе недоверие научного сообщества, воспитанного на «классических» подходах, несмотря на небывалый взлет когнитивных наук за последние 10–15 лет. Другой проблемой, выглядящей «оборотной стороной медали», является само опрометчивое и заносчивое желание когнитивных методологий выглядеть новым универсальным подходом, способным дать ответ на все вопросы, причем ответы точные, сопоставимые с решениям в точных науках, хотя очевидно, что сложно ожидать точного однозначно интерпретируемого и четко верифицируемого ответа, если изначальные материалы для анализа – в нашем случае это исторические источники – представляют собой неоднозначные и неточные артефакты, зачастую со спорными характеристиками, особенно в руках различных исследователей. Другими словами, когнитивные науки зачастую претендуют на однозначность и верифицируемость, однако де-факто остаются в руках исследователей зависимыми от субъективизма последних: квалификации, мотивации, сферы интересов и т.д.

Однако при всех возникающих вопросах применение когнитивных методологий оказывается перспективным. Одной из важнейших характеристик является то, что когнитивная наука позволяет выйти из инертного состояния, порожденного постмодернистским солипсизмом [1]. Когнитивизм позволяет получить результаты, которые невозможно получить в результате применения других методологий. Это делает саму когнитивную методологию допустимой и обоснованной. Только не следует впадать в крайности в отношении потенциальных результатов исследований: поле применения любой методологии и теории имеет свои границы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sørensen J. Religion in Mind: A Review Article of the Cognitive Science Of Religion // *Numen*. 2005. Vol. 52. P. 465–494.
2. Ketola K. The Founder of the Hare Krishnas as Seen by Devotees: A Cognitive Study of Religious Charisma. Leiden & Boston : Brill, 2008. xiii, 234 pp.
3. Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2004. 560 с.
4. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М. : РГГУ, 2008. 358 с.
5. Лукьянов Д.В. «Когнитивная революция» в современном историческом познании // Материалы Всероссийской научной конференции «Будущее нашего прошлого». М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2011. С. 179–193.
6. Историческая наука и историческое сознание / под ред. Б.Г. Могильницкого. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 230 с.
7. Сыров В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1 (21). С. 183–190.
8. Хазанов О.В. Феномен религиозного историзма: некоторые подходы к пониманию еврейской и индийской традиций. Saarbrücken, Germany : LAP LAMBERT, 2011. 228 с.
9. Ивонина О.И. Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX – середины XX в. : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2001.
10. Сабенникова И.В. О.М. Медушевская. Теория и методология когнитивной истории // Российская история. 2009. № 2. С. 177–179.
11. Медушевская О.М. Теория исторического познания: избранные произведения / сост. И.Л. Беленький. СПб. : Университетская книга, 2010. 572 с.
12. Вахштайн В.С. Теория фреймов как инструмент социологического анализа повседневного мира : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007.
13. Котов А.С. Братия Тевтонского ордена в Пруссии XIV – сер. XV в.: трансформация психосоциальной идентичности в контексте специфики процессов «Перехода» : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 мая 2017 г.

The paper explores the possibilities of using cognitive methodologies in historical science, including the analysis of historical sources. Historical analysis is based on explicit public representations: texts and other historical sources. An important task of historical science is the use of the research methodology, which allows obtaining the most accurate and objective results. Often the significance of the source may not seem so unambiguous and obvious. One of the solutions is an appeal to modern cognitive methodologies, which makes it possible to analyze similar sources that are not sufficiently relevant as the classical narrative history sees them. Also, cognitive methodologies open up the possibility of obtaining fundamentally new results. This study is based on a comparative analysis of theories of cognitive history, cognitive religion and cognitive anthropology. The appeal to the last two directions within the framework of historical science may seem unusual or even superfluous. Yet they are used since they are more theoretically developed in detail and have a wide application practice. Cognitive science of religion in the issue of historical source study is relevant because of the frequent specificity of the sources: often these are texts of religious content or religious implication and meaning. Based on the notion of the formation of religious concepts and behavior, historians will be able to design their subject of research. Accurate and universal theories of religious phenomena allow historians to obtain information that is difficult to obtain by other methods. In addition, historians are given the opportunity to systematize historical facts in a new way. The methodologies of cognitive religion and anthropology have extensive experience in practical application. The paper describes examples of techniques that can be used in historical sciences: the theory of practices and the theory of frames. These theories were created within anthropological and social sciences, but are easily transposed into other cognitive domains, for example, cognitive science of religion and even cognitive history. These methods become not only the subject of historical and theoretical reconstruction, but also an important mechanism for understanding everyday interactions. The application of cognitive methodologies has a number of problems that are noted in the article. Cognitive sciences often claim to be unambiguous and verifiable, but de facto remain in the hands of researchers dependent on subjectivity: their skills, motivation, spheres of interest, etc. Nevertheless, cognitivism makes it possible to obtain results that can not be obtained as a result of the application of other methodologies. The use of cognitive methodology in historical sciences is permissible, but it has its own limitations.

REFERENCES

1. Sørensen, J. (2005) Religion in Mind: A Review Article of the Cognitive Science Of Religion. *Numen*. 52. pp. 465–494.
2. Ketola, K. (2008) *The Founder of the Hare Krishnas as Seen by Devotees: A Cognitive Study of Religious Charisma*. Leiden & Boston: Brill.
3. Girts, K. (2004) *Interpretatsiya kul'tur* [Interpretation of cultures]. Translated from English Moscow: ROSSPEN.
4. Medushevskaya, O.M. (2008) *Teoriya i metodologiya kognitivnoy istorii* [Theory and methodology of cognitive history]. Moscow: RSUH.
5. Luk'yanov, D.V. (2011) ["Cognitive revolution" in modern historical knowledge]. *Budushchee nashego proshlogo* [The Future of Our Past]. Proceedings of the all-Russian conference Moscow: RSUH. pp. 179–193. (In Russian).
6. Mogil'nitskiy, B.G. (ed.) (2000) *Istoricheskaya nauka i istoricheskoe soznanie* [Historical science and historical consciousness]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Syrov, V.N. (2013) What historical consciousness do we need: on the methodology of approach and practice of use. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1 (21). pp. 183–190. (In Russian).
8. Khazanov, O.V. (2011) *Fenomen religioznogo istorizma: nekotorye podkhody k ponimaniyu evreyskoy i indiyской traditsiy* [The phenomenon of religious historicism: some approaches to understanding the Jewish and Indian traditions]. Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT.
9. Ivonina, O.I. (2001) *Problema napravlenosti istorii v khristianskoy istoricheskoy mysli Rossii XIX – serediny XX v.* [The problem of the direction of history in the Christian historical thought of Russia in the 19th – middle of the 20th centuries]. History Dr. Diss. Tomsk.
10. Sabennikova, I.V. & Medushevskaya, O.M. (2009) *Teoriya i metodologiya kognitivnoy istorii* [Theory and methodology of cognitive history]. *Rossiyskaya istoriya*. 2. pp. 177–179.
11. Medushevskaya, O.M. (2010) *Teoriya istoricheskogo poznaniya: izbrannye proizvedeniya* [Theory of historical knowledge: selected works]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
12. Vakhshayn, V.S. (2007) *Teoriya freymov kak instrument sotsiologicheskogo analiza povsednevnogo mira* [Theory of frames as a tool for the sociological analysis of the everyday world]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Moscow.
13. Kotov, A.S. (2010) *Bratya Tevtonskogo ordena v Prussii XIV – ser. XV v.: transformatsiya psikhosotsial'noy identichnosti v kontekste spetsifiki protsessov "Perekhoda"* [Brothers of the Teutonic Order in Prussia of the 14th – mid-15th centuries: the transformation of psychosocial identity in the context of the specific processes of the "Transition"]. History Cand. Diss. Tomsk.

Received: 03 May 2017